

ОТЗЫВ
официального оппонента
на докторскую диссертацию
Шевчук Юлии Вадимовны
ПОЭЗИЯ И. АННЕНСКОГО И А. АХМАТОВОЙ:
ФОРМЫ ЛИРИЗМА (объем 604 стр.)
по специальности 10.01.01 – русская литература.

Актуальность представленной к защите диссертации состоит, на мой взгляд, в глубоко современном взгляде на историю литературы. Взгляд этот я бы определил примерно так: история литературы – это не сумма творческих биографий отдельных писателей, это единая жизнь человеческого сознания в формах художественного письма на национальных языках.

Русский XIX век, как мне представляется, явился, прежде всего, веком прихода в культуру, роста, расцвета и, наконец, закономерного кризиса «уединенного», по слову Вяч. Иванова, Я-сознания. Иннокентий Анненский предстает одним из наиболее глубоких и принципиальных выразителей этого кризиса. Акмеизм же и, в частности, Анна Ахматова (едва ли не наиболее отчетливо из поэтов этой формации) манифестировали формирование конвергентного Ты-сознания (Вяч. Иванов именовал такое сознание «соборным») как пути преодоления ментального кризиса. Подобное видение глубинной исторической логики литературного процесса в диссертации Ю.В. Шевчук получило, на мой взгляд, основательное и детально проработанное подтверждение.

С этой точки зрения, тематическая структура диссертационного исследования не просто удачна, но удачна до степени интеллектуального изящества. Юлией Вадимовной сближаются и размежевываются два

последовательных и очень существенных для русской поэзии звена литературного процесса, которые при этом оказываются неклассическими формами лиризма – мужского лиризма мысли и женского лиризма чувства, – порожденными кризисной эпохой. Нетривиальная исследовательская оптика такого рода обеспечила работе увлекательную новизну, несмотря на то, что поэтическое наследие Ахматовой и Анненского столь многократно уже анализировалось и интерпретировалось. К этому следует добавить явленное в работе высокое мастерство профессионального чтения исследуемых текстов.

В итоге вторая и третья главы диссертации содержат в себе множество тонких наблюдений и глубоких обобщений, весьма существенно обогащающих наше понимание творческих достижений этих двух поэтов, а также их неустранимого места в истории лирической поэзии.

В главе, посвященной лирике Анненского, выделю, прежде всего, тщательно и убедительно вскрываемую соискателем трагедию самосознания одинокого, погруженного в себя лирического «я». С удовольствием приведу пример отточенной формулировки, схватывающей самую суть исследуемого явления: «Лиризм мысли Анненского был основан на принципе *самоуглубления человека*, понимающего для себя ценность и необходимость вечных нравственных основ, но, разлагая их мыслью, в «неделимом остатке» обнаруживающего формы собственного сознания» (543 стр.).

Конструктивный принцип художественного мышления Анненского в работе удачно трактуется как «символизм сознания». Благодаря обращению к поэтике символа «психологизм лирического события не обескровливается головными построениями» (367 стр.). При этом «в качестве главного символа выступает сознание лирического «я», усвоившее переживания «поколений и масс» людей и отягощенное

запретами» (370 стр.), ставшими с течением времени «аксиомами культуры». Ю.В. Шевчук убедительно показывает, что безупречные в эстетическом отношении стихотворения Анненского являются отнюдь не романтическими самовыражениями авторской индивидуальности, но интеллектуальными исследованиями внутреннего мира современника кризисной эпохи как продукта многовекового развития европейского сознания. В лирике Анненского это ментальное странствие духа переживается как последовательный отход от природы, от физического мира вещей, ведущий к формированию эгоцентризма и одновременно как бы уравнивающей его «массовой культуры». Изысканно интеллектуальная поэзия Анненского трактуется в работе как открытие специфической объективности культуры (я бы сказал, ее интересубъективной реальности).

Мысль о том, что творчество Анненского подвело итоги русского символизма и во многом предвосхитило постсимволистские тенденции отечественной поэзии, звучит как слишком сильное утверждение, но на самом деле является достаточно обоснованным выводом данной части исследования.

При всей разности сопоставляемых творческих индивидуальностей следующая глава органически связана с предыдущей, в чем я усматриваю одно из важнейших достоинств диссертационной работы по истории литературы.

В частности, «опираясь на свойства женского «осязательного» мироощущения» (374 стр.), Ахматова преодолевает символистский трагизм уединенного сознания, выводя лирическое «я» к непосредственному контакту с текущей жизнью действительного чувственного мира. Причастность личности к культуре здесь обнаруживается иначе, чем у Анненского, – как присутствие в мире надличностного абсолюта («сверх-я»), не поддающегося рассудочному

постижению, но эмоционально переживаемого лирическим субъектом. Именно в пространстве культуры, как справедливо утверждается в работе, ахматовский человек находит оправдание своему существованию. В русскую лирику, согласно удачным формулировкам автора диссертации, на смену «антиномической личности» приходит «личность диалогического типа».

И действительно, в своей поэзии Ахматова культивировала исторически новый, так сказать, пост-эгоцентрический, диалогизированный тип сознания. Ю.В. Шевчук обнаруживает и раскрывает ментальное новаторство эпохальной значимости во множестве частных аспектов творчества поэтессы. Это и поэтика «непрямой эмоциональности»; и коллизия мужской и женской точек зрения как феноменов культуры; и поэтика бытовых ситуаций, обнаруживающих потенциал подлинной духовности; это и постижение «оборотного», истинного смысла жизненных моментов прошлого или настоящего; это и приобщение лирического субъекта к общенародному «религиозному мировосприятию, внутри которого время мыслится как путь от Сотворения к Искуплению» (469 стр.).

В связи со всем этим следовало бы, я полагаю, акцентировать, что трагизм ахматовской лирики принципиально иной, нежели трагизм Анненского: это не трагическая ирония уединенного сознания, а прямой, патетический трагизм личной причастности к катастрофическим изломам миропорядка. Впрочем, об этой стороне поэтического творчества Ахматовой и так сказано в работе немало.

Неприятие в третьей главе диссертации у меня вызывает, пожалуй, только квалификация ахматовского лиризма как «лиризма самоутверждения». Подобная характеристика уместна по отношению к поэзии раннего Маяковского, но никак не Ахматовой. Уж лучше встречающийся на страницах работы неологизм «самостроение», но и

он, отсылая к символистскому «жизнестроению», не слишком удачен. У прославленного логотерапевта Виктора Франкла имеется хитроумное понятие «самотрансценденции» – выхода «я» за свои пределы для осознания смысла своего присутствия в мире. Словечко, конечно, далеко не поэтическое, но относительно лирики Ахматовой, на мой взгляд, весьма адекватное.

Итак, обе, условно говоря, практические главы диссертации не вызывают у меня принципиальных дискуссионных замечаний, чего нельзя сказать о первой главе, предлагающей теоретическое обоснование понятия «лиризм».

Суть расхождений с автором работы состоит в следующем. На мой взгляд, терминологически слова «лирический» и «лиризм» означают не более чем отнесение к одному из родов художественного письма. Тогда как Ю.В. Шевчук, оставаясь в русле гегелевской традиции, которой следовало советское литературоведение, называет лиризмом «тип художественного содержания (наряду с эпическим и драматическим), основанный на субъективном способе изображения человека» (155 стр.)

Категории субъективности и объективности в современном литературоведении – весьма устарелый, «затупившийся» инструмент. Эпическое изображение Наполеона Толстым несколько не объективнее образа того же Наполеона в лирике Пушкина. При постоянном учете рецептивной инстанции адресата, учете, диктуемом коммуникативной природой искусства, художественное произведение не субъективно и не объективно, оно – интерсубъективно.

Автору диссертации известно о диалогической природе лирики и отнюдь не чужд интерес к коммуникативной стороне художественного письма. Исследовательница справедливо замечает, например, что Анненский «предлагает читателю пережить эмоции, чувства, настроения, когда-то сформировавшие наши представления об

окружающем мире» (368 стр.). Но теоретические позиции исследования, на мой взгляд, отстают от его практической значимости.

Под именем лиризма в работе часто фигурирует общелитературная содержательность: «Лиризм – это переживание («работа души») автора, осознанное им в художественной форме» (77 стр.). Иначе говоря, это «эмоциональная рефлексия» (Г.Н. Пospelов), «переживание переживания» (М.М. Бахтин), составляющие психологическую специфику эстетической деятельности вообще. Ни художественный эпос, ни художественная драма без эмоциональной рефлексии того или иного типа (например, трагической, о какой часто говорится в диссертации) не возникают. Не случайно глубинные особенности лиризма Анненского обнаруживаются исследовательницей также и в его драматургии, и даже в критике (372 стр.); говорится о «лирической исповедальности Гончарова» в романе «Обломов» (545 стр.).

Вследствие расплывчатого, недостаточно терминологичного понимания лиризма в работе иногда встречаются ошибочные суждения. Так, например, невозможно согласиться, что «в целом лирику присущ принцип обновленного видения, преодоления инерции» (158 стр.). С одной стороны, это свойственно искусству вообще; с другой – акцентированная оригинальность присуща современному, постромантическому лирику, о лирической же поэзии «рефлексивного традиционализма» (С.С. Аверинцев) этого сказать нельзя. Вполне осознавая историческую динамику лиризма, Ю.В. Шевчук говорит далее о «формировании лирического сознания» после XVIII века. Но получается абсурдная ситуация: на протяжении долгих веков лирика якобы существовала без лирического сознания?

Можно сказать, что основу актуального литературоведения составляет открытие и теоретическое осмысление коммуникативной природы искусства, впервые провозглашенной на исходе XIX века в

трактате Толстого. С этих позиций, развитых Бахтиным и многими другими, различия между лирическим, эпическим и драматургическим началами литературы суть различия между речевыми жанрами. Я, во всяком случае, привык исходить из того, что лирическое стихотворение – в отличие от эпического нарратива – это перформативное высказывание хоровой значимости, иначе говоря, суггестивное речевое действие. Такое понимание подтверждается исторической поэтикой, выявляющей хоровую природу первоначальной лирики и перформативность магического заклинания как архаического первоисточка, мифоритуального прообраза лирических текстов.

Рассуждая с этих позиций, ошибочным представляется утверждение, будто Анненский «открывает анонимную форму лиризма» (368 стр.). На самом деле поэт, глубоко погрузившийся в архаичные пласты культуры, лишь восстанавливает хоровую модальность лирического говорения. В другом месте диссертации автор выражается точнее, говоря об Анненском, что тот «постепенно осваивает «анонимную» форму лиризма, способную синтезировать внутреннюю жизнь «я» и переживания многих других людей» (189 стр.). В том же направлении, как показано в работе, развивалась и лирика Ахматовой. Например: «Страх современной матери и жены «вливается» в нерасчлененный поток женского горя всех времен» (537 стр.). Однако установка на субъектный синкретизм хорового сознания и была исходной установкой лирической поэзии. Личностный лиризм, этот, по словам А.Н. Веселовского, «петраркизм», который «древнее Петрарки», – относительно позднее литературное явление, к которому Гегель в своей триаде свел лирический литературный род в целом.

Возникшие разногласия – это несовпадения научного языка. Они не затрагивают содержательного ядра рецензируемой работы. Более того, я полагаю, что обращение к исторической поэтике лирики, к родовым

перформативным основам лирического дискурса только помогли бы Ю.В. Шевчук в ее весьма и весьма плодотворном научном поиске.

А в целом проведенное исследование поистине, как сказано в заключении работы, «позволяет приблизиться к пониманию глубинных процессов, происходящих в литературе русского модернизма и связанных с новым восприятием человека и его отношения к действительности» (548 стр.). Мне остается заключить, что чрезвычайно основательное исследование лирического наследия Анненского и Ахматовой, четко излагающий содержание диссертации автореферат, а также более 50 репрезентативных научных публикаций автора (в частности: монография, учебное пособие и 16 статей в журналах, рекомендованных ВАК), вполне отвечают требованиям, изложенным в п. 9 Положения о присуждении ученых степеней. Это позволяет мне с уверенностью рекомендовать диссертационному совету при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова присвоить Шевчук Юлии Вадимовне ученую степень доктора филологических наук по специальности «Русская литература» (10.01.01).

Доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой теоретической
и исторической поэтики РГГУ
125993, Москва, Миусская пл. 6
(495) 250 6844
v.tiupa@gmail.com

В.И. Тюпа

26.01. 2015

Подпись В.И. Тюпа

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Ученый секретарь РГГУ

